

Ёхан

Тяжёлые капли лились сверху на головы стоящих внизу людей. Всё небо затянуто тучами, без единого просвета. Вода струйками стекает по сосредоточенным лицам. Все в ожидании чего-то тягостного, и никто не пытается стряхнуть капли с платков и кепок. Плечи пиджаков и кафтанов совсем потемнели от влаги. Они набухли и похожи на широкие, тяжёлые эполеты. Народ только теснее жмётся друг к другу.

Какая-то женщина посреди толпы, то ли плачет, то ли причитает, или зовёт кого то.

Бегающие вокруг толпы люди, поправляют спадающие белые повязки на рукавах, покрикивая, пытаются закрыть ей рот. Но она как будто не слышит их.

Наконец, всё стихает. После совсем небольшого затишья слышится окрик. Сразу за ним, громко и невпопад раздаются выстрелы. Пули ломают строй. Мужчины и женщины, словно снопы, неуклюже согнувшись, заваливаются в свежевыкопанную яму. Комья вязкой, разбухшей земли катятся следом.

На минуту становится тихо, истеричная женщина больше никого не зовёт.

Люди с повязками опускают винтовки и подходят к яме. У самого края они старательно выцеливают идущие снизу стоны. Найдя, снова стреляют.

– Чо стоишь, как вкопанный?! – зло кричит здоровенный верзила на паренька оказавшегося поблизости, в замешательстве оцепенев от увиденного в яме. – Мы тут за тебя должны горбатиться?

Он пытается схватить юношу за плечо.

– Оставь его, Петро! – осаживает верзилу старший из полицаев. Здоровенным, грузным телом он закрывает собой молодого.

– Племянничек это мой. Сашко. Первый день сегодня, пусть пообтешется покуда. Успеет ишо. На его век жидёнков хватит...

Мужчина приобнимает за спину племянника, и наклонясь почти шепчет на ухо:

– Иди, пошукай пока по домам. Каратели понаедут, сожгут село-то... Может, чего добудешь полезного, сделай мамке приятное. Не пропадать же добру.

Паренёк, вжимая голову в воротник мокрого пальто, обрадовавшись, что наконец-то можно оставить место бойни, громко чавкая грязной обувью, быстро исчезает, совсем не по-военному прижимая длинную винтовку к себе.

Возле большого дома он останавливается, ещё раз оборачивается туда, где ещё недавно стояли живые люди, и смахивает капли дождя с лица.

За калиткой, перегордив тропинку, лежит мёртвая собака на привязи. Пёс лежит в неудобной позе, обнажив пасть. Оттуда топорщатся белоснежным оскалом огромные и бесполезные уже клыки. На белых, прибитых дождём подпалинах ещё виднеются разводы крови.

Паренёк осторожно переступает через неподвижное тело. В доме пусто. Шаги его сапог гулко отдаются эхом в пустом пространстве. Молоденький полицай ищет комнату, в которой может находиться ценное имущество.

На втором этаже в одной из спален, он неожиданно вздрагивает, испугавшись, почти отпрыгивает от двери. Возле большого шкафа на стуле сидит мальчик лет шести-семи, в белой рубашке и аккуратных брючках.

Ребёнок не обращает внимания на появившегося человека с винтовкой. Взглядом, уперевшись в пол, он что-то бормочет или напевает себе под нос, раскачиваясь в такт, уперевшись ручками в стул и безмятежно болтая ногами.

***

В здании вокзала шумно и прохладно. Мы с Максом спасаемся от жары внутри. Время от времени раздаётся монотонный голос из ретранслятора, прерывая моё с сыном общение.

– Скорый поезд из Франкфурта-на-Майне прибывает на вторую платформу. К вниманию встречающих, нумерация вагонов начинается с конца состава.

Нам предстоит путь за границу. Макс натерпится побыстрее отбыть. Это его не первая поездка за рубеж, но более долгая. Мы едем присмотреться к учебным заведениям. Он изнывает от предвкушения.

– Ма, смотри! – Макс показывает пальцем на яркую толпу современных хиппи, когда поезд уже остановился. Молодые люди в разноцветных татуировках, с ирокезами на головах, в причудливой одежде, увешанные цепями и в заклёпках, в огромных армейских ботинках проходят мимо нас оживлённо беседуя. Слышится немецкая речь.

– Показывать пальцем неприлично! Сколько раз я тебе говорила...

У сына пубертатный период. Половозрелость набирает силу. Ему всего тринадцать и он ещё львёнок, как любит говорить наш папа, но грива уже пробивается.

– Они не из Франкфурта, – раздаётся совсем рядом с нами голос, мы с сыном одновременно поворачиваем головы в сторону говорящего.

– Вероятнее всего из Саксонии. Диалект, совсем другой говор. Лейпциг или Дрезден.

Пожилой господин с характерным еврейским акцентом смотрит на кусочек облупившейся штукатурки на колонне между нами.

– Вы жили в Германии? – спрашиваю я.

– Нет, – спокойно отвечает господин. – Чтобы различать диалекты, совсем необязательно жить там.

Старик аккуратным ногтем пробует на прочность место отвалившийся штукатурки. Вдруг неожиданно улыбается, переводя взгляд на нас и слегка приподнимая шляпу:

– Лев Моисеевич! Учитель немецкого языка. Можно просто Лёва.

***

Паренёк предусмотрительно снимает винтовку с плеча и боязливо оглядывается по сторонам: нет ли кого ещё в доме.

– Кто ты?! – спрашивает он мальчика через минуту.

Ребёнок поднимает глаза и произносит несколько фраз на незнакомом языке.

Глаза молодого полицаю округляются, он беспомощно озирается по сторонам, не зная, что предпринять. За первым вопросом сыпятся другие.

Мальчик перестает качать ногами и поднимает глаза, доли секунды с любопытством разглядывает ружьё, затем по-немецки произносит опять несколько фраз.

- Ja, die Augen waren, ja, der Mund! Die mir blickten, die mich küßten!

***

– Как вы это поняли? – удивляемся мы, когда толпа панков прошла.

– Саксы, как правило, не открывают рот слишком широко. Например, если что-то сломается, то по-саксонски это будет „gabudd“, а не „kaputt“. – Лев Моисеевич смеётся. Потом пожилой господин переводит взгляд на улицу и долго высматривает там что-то.

– Совсем не помню это место. Колокольню помню и площадь. Водокачка ещё стояла. А вокзала не помню. – Лев Моисеевич, сокрушаясь на память, водит глазами по стенам и своду вокзала и качает головой причитая.

– Давно здесь не бил. Очень давно, всего один раз бил здесь, сразу после войны. Возможно, в какой-то другой, прошлой жизни. Всё изменилось, столько лет прошло.

Он отвлекается от воспоминаний и смотрит пристально на меня:

– Дочка приезжает. Попросила встретить. Совсем взрослая, а ведёт себя, как маленькая девочка. – Лев Моисеевич благодушно вздыхает. – Она позвонила позавчера и попросила, а я думаю, почему не встретить, пусть ей будет приятно. Всегда приятно встречать, когда не слишком задерживаются.

– Ви не знаете, задержки из Берлина не намечается? – заглядывает он мне в глаза, через минуту, делая характерное ударение на „и“.

Я успокаиваю его, показывая рукой на табло.

– Прибудет вовремя, без задержек! Не волнуйтесь!

– Это хорошо! – соглашается он. – Немцы молодцы. Я вам скажу, немцы большие аккуратисты. Они не любят опаздывать. Я хоть и не немец, тоже терпеть ненавижу ждать...

***

– Что будем делать? – спрашивает верзила старшего.

Несколько полицаев безучастно отворачиваются и проходят в хату.

– В комендатуре надо бы проверить, на всякий случай... – старший поправил кепку.

Его смущает явно не сельская одежда ребенка. Потому, как он выглядит, по стрелочкам на брючках, аккуратным ботиночкам и белой рубашке с длинными рукавами, мальчик явно не из местных.

– Ты, что сдурел? – удивляется верзила.

– А шо делать? – устало произносит старший. – А вдруг он из тех. Его ищут, а мальчонка здесь.

– Да какой он „их“?! Откуда он тут мог оказаться? Вон его родители, – верзила тычет рукой в сторону насыпи. – В яме лежат!

– Щас проверим, – старший нагибается к мальчику и коверкая язык, пытается приветливо задать вопрос. – Wie heißt du?

Услышав знакомую речь, ребёнок смотрит на взрослых.

– Johann. Mein name ist Johann.

– Ишь ты, Ёхан. – Старший разгибается и удовлетворительно вытирает мокрое лицо ладонью. Он хочет ещё что спросить, но познания в немецком на этом заканчиваются. Обернувшись к племяннику, он хлопает того по плечу:

– Придется тебе, Сашко, вести рябетёнка в комендатуру. Пусть сами разбираются там с этим Ёханом. Давай, собирайся в дорогу.

Оставшись наедине, Сашко разглядывает мальчика. Тот стоит и мелко дрожит от холода.

– Где твой одежда? – попытался спросить он, также как и его дядя ломая язык и показывая на себя.

– Nein

– Найн, найн! – передразнивает мальчика паренёк,- Ладно, пойдём, поищем чего-нибудь тебе...

В одном из домов им попалась кем-то выложенная для просушки ветхая одежда. Пальтишко оказалось большое, и совсем древнее, с дырками на локтях и размера на три или даже четыре больше, чем надо. Сашко подвернул рукава, ловко перехватил полы, как кушаком, чтобы не болтались, на поясе обрывком веревки, найденной здесь же. Сверху, на голову мальчика нахлобучил старую поломанную соломенную шляпу, и внимательно разглядывая что получилось, не стесняясь, загоготал.

– Пугало ты огородное, а не немчура!

Глядя на старшего соглядатая и на себя Ёхан тоже засмеялся, принимая всё происходящее за игру.

– Главной дорогой не пойдём! – поделился соображениями Сашко когда они по густой и мокрой траве вышли из посёлка окольными путями.

– Партизанен! – сказал он, делая страшное лицо, кивая поочерёдно то на живот мальчика, то на винтовку. — Могут сделать „пу-пу“! Тогда совсем плохо будет!

Сашко зажмурился изображая мертвеца. Ёхан не понял, кто такие партизанен и что это „пу-пу“ означает, но доверился парню и старался не отстать.

Пройдя большую часть пути, мальчик устал, и заметно стал отставать. А потом и вовсе споткнулся, угодив в канаву ногой, скатился вниз с уклона, разодрав брючину.

Сашко подбежал. Из откинутой ткани штанины, облепленную репейником, на белой коже алели красные царапины с проступившими на них каплями. Увидев кровь, Ёхан горько и с надрывом заплакал.

– Ну, что ты такой неловкий! – с досады за случившееся Сашко толкнул мальчика и, подражая взрослым, грязно выругался.

– Как теперь идти с тобой? – злился он на ребёнка, рассматривая порвавшуюся обувь. Но успокоившись через несколько минут, осознавая, что выхода нет, миролюбиво подставил спину.

– Запрыгивай, немчур! Придётся поменять маршрут. Заглянем на хутор к тётке, – нарочито весело сказал, подбадривая мальчика. – Подкрепимся, подлечимся!

И тяжело тужась, поднимая, закончил:

– Вечно вы, немчур на нашей шее норовите прокатиться.

Тётка без особой радости и по обыденному восприняла визит неожиданных гостей. Нехотя отвлеклась от хозяйства, молча накрыла на стол скудную снедь: крынку сметаны, три отварные картофелины, краюха хлеба. И пока они жадно ели, исподлобья разглядывала их.

– Это немчонок! – поймав взгляд хозяйки гордо кивнул Сашко на мальчика. – Ёхан! В комендатуру велено доставить!

Тётка отошла в сторону, никак не отреагировала на слова. За ребятами в доме, из-за укрытия, с любопытством наблюдали трое светлых пацанёнка. Все были погодками и где то одного возраста с Ёханом. Улучив момент, когда их мать отошла в погреб за солёными огурцами, тот, что постарше, осмелев, незаметно прокравшись, больно ущипнул Ёхана за бок.

Когда парни закончили и кое-как подлатали одежду и обувь, тётка, провожая их, сказала:

– Партизаны вчера были...

– Где? – Сашко настороженно остановился на пороге.

– Они теперь везде. На станции бой был. Отбивали угнанных.

Парень задумался и неуверенно спросил.

– Может немчонка пока у тебя оставить?

Тётка молча напёрла грудью и вытолкнула ребят в сени.

– Совсем сдурел! Глаза б мои вас не видели. Хочешь, чтобы меня свои же повесили за пособничество?

***

– Как ваше имя? – неожиданно спросил Лёва у меня.

– Марина, – ответила я. – Сын – Максим. Макс. Мы едем в Чехию.

Мужчина оторвался от скамейки и опять приподнял шляпу.

– Удивительная штука жизнь, Мариночка! – Лев Моисеевич кивнул головой на прибывший поезд из Франкфурта. – Кто бы мог подумать, что немцы так спокойно будут ездить сюда. Какая короткая у людей память. Может это и хорошо?

Он заглянул мне в глаза, ожидая ответа.

– Человечество не может жить только печальными воспоминаниями, – после небольшой паузы ответила я и добавила, – хорошее дольше помнится.

– Ви абсолютно правы, Мариночка! Я тоже часто вспоминаю хорошее. Иначе, можно было бы совсем свихнуться. Хотя, с годами многое из того, что было плохим, сейчас вспоминаешь, как хорошее.

Лева грустно засмеялся.

– Вам было страшно? – спросила я его, подразумевая, что он мог быть участником той, последней войны.

– Что может быть страшнее темноты в тесном шкафу, когда тебе всего шесть лет? Страшнее этого может быть только ожидание. И обман. Моя мамочка сказала мне, что обязательно вернётся. Я долго ждал её, Мариночка. Всю жизнь. Мне сказали, что когда её убивали, шёл дождь.

Лёва так и сказал „дождь” вместо „дождь”. Я вспомнила, что так когда-то говорила моя бабушка.

– У мене у самого возраст. Я много думаю, когда лучше умирать.

Я слушала его и не знала, как реагировать. Он еле заметно улыбаясь после каждой фразы заглядывал мне в глаза, ожидая реакции.

– Я таки думаю, что умирать лучше, когда солнечный день, правда?

Лева достал из портфеля фляжку.

– Ви любите коньяк?

Я не хотела пить в такую жару, но согласилась ради него. Он поставил на обратную сторону портфеля две серебряные рюмки. Я улыбнулась краем губ.

– Ви правильно всё поняли! – заметил он мою улыбку. – У мене всегда при себе полный набор!

Через секунду на импровизированном столе появились дольки лимона и шоколадка.

– Один раз, я за день мог несколько раз умереть. – Лёва поднял стопку. – Думаю, если Б-г есть и зачем-то оставил мене жить, то вполне могу просить себе за хороший солнечный день.

– За хороший солнечный день! – мы чокнулись рюмками.

– Вас могли убить? – спросила я.

– Да, – сразу согласился он, – несколько раз за день. Один юноша, мальчик совсем ещё, сам не понимая того, тащил мене к немцам на верную смерть.

Я выжидательно смотрела. Лева аккуратно разлил коньяк по стопкам.

– Ми не дошли. Ми оба подорвались на mine. Его разорвало на моих глазах. Вся сила взрыва пришлась на него.

Мы молча выпили, не чокаясь. Подошёл Макс, сел рядом со мной и обнял меня.

– Почему немецкий язык, дядя Лёва?

Лев Моисеевич надкусил дольку лимона, отделяя кожуру.

– Мамочку всегда нужно слушаться, деточка. Мамочка плохого не пожелает. Это я, Лёва Бирштейн, тебе говорю.

Он надломил шоколад и протянул его Максусу.

– Кушай, деточка!

*Ja, die Augen waren, ja, der Mund,
Die mir blickten, die mich küßten.*

Прочитировал он на немецком.

– Берлинский диалект! – Он многозначительно поднял палец и перевёл с немецкого:

*Помню, как она глядела –
Помню губы, руки, грудь –
Сердце помнит – помнит тело.
Не забыть. И не вернуть.
Но она была, была!
Да, была! Все это было:
Мимоходом обняла –
И всю жизнь переменяла.*

– Великий Гёте. Мамочка преподавала немецкий. Это были её любимые стихи. У маленького Лёвочки не было возможностей много слушать свою дорогую мамочку. Немцы не дали этого сделать. Когда ей хотелось сказать, что-то важное своему сыночку, она садилась на корточки напротив меня, делала серьёзные глаза и говорила: „Лёвочка! Ты должен это сделать ради меня!“. Лёвочка был хорошим сыном. Он в точности делал, что ему говорили.

Ретранслятор заглушил его речь. Лев Моисеевич напрягся, вслушиваясь: „Скорый поезд из Берлина прибывает на третий путь левой стороны“

– Это ко мне! – обрадовался он и засуетился собираясь. – Оставляя мне в шкафу, мамочка сказала: „Лёвочка! Забудь про русский язык! С этой минуты ты будешь говорить только на немецком! Кто бы с тобой ни говорил, отвечать ты будешь только по-немецки! Ты сделаешь это ради своей мамочки, правда?“

Мы смотрели с Максом на Льва Моисеевича. Он встал и прощаясь, закончил:

– Лёвочка в точности сделал, как просили. Когда он не знал, что сказать, он читал любимые мамины стихи. – Лев Моисеевич выпрямился. – Лёвочке было шесть лет, но он понимал, что незнакомцам лучше не называть своё настоящее имя. Для всех я стал Johann. Ёхан по-русски.

Лёва взял в руки свой портфель и приподнял шляпу прощаясь.

– Иоганн. Имя любимого поэта моей мамочки.

*Помню, как она глядела –
Помню губы, руки, грудь –
Сердце помнит – помнит тело.
Не забыть. И не вернуть...*

Рустем ШАРАФИСЛАМОВ.